

держат? Вполне возможно. Но недоверие к критике, укоренившись однажды, ведет к опасным последствиям регламентации ее держаний, а нередко и к противопоставлению профессиональной критике читательских оценок с открытым намерением выдать именно их за истину чуть ли не в последней инстанции.

Между тем нередки случаи, когда сам читатель переоценивает художественное значение произведения, оказывается эстетически невзыскательным. И тут особенно важно активное вмешательство критики, призванной поддерживать высокий уровень художественных вкусов современного общества.

Нас тревожит регламентация оценок, их случайность или не требовательность, рожденные стремлением навязать литературному критику далекие от его интересов проблемы и темы, и, наоборот отказать ему в праве высказать свои суждения по интересующему вопросу. Поэтому так решительно партия призывает к созданию «в среде работников литературы и искусства обстановки высокой требовательности, правильного отношения к выступлениям критики».¹

От взыскательности критики, глубины и точности ее анализа, непримиримости к идейно-художественному браку и от бережного отношения к истинным художественным ценностям во многом зависит, какими именно путями станет развиваться советская литература.

Г. П. Макогоненко

О ДИАЛОГАХ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

Пожалуй, наиболее отчетливо авторская позиция выражается в диалоге. Роль диалога в русском романе XIX в. изучена недостаточно, формы и средства выявления в диалоге точки зрения автора почти не привлекают внимания исследователей.^{1а} В то же время выяснение авторской позиции в художественном произведении — важнейшая задача современной науки. Проблема эта одна из актуальнейших.

¹ О литературно-художественной критике. Постановление Центрального комитета КПСС от 21 января 1972 года. — В кн.: Об идеологической работе КПСС. М., 1977, с. 494.

^{1а} Наиболее интересно теоретические вопросы, связанные с диалогом, рассматривались в работах В. В. Виноградова: «О художественной прозе» (1930); О языке художественной литературы (1959); Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. (1963), Г. О. Винокура: «Горе от ума» как

Диалог в пушкинской прозе исследовал в свое время В. В. Виноградов.² В последние годы диалогами «Повестей Белкина» занимался В. В. Одинцов.³ Специального исследования диалога романа «Капитанская дочка» нет. Вот почему необходимо остановиться на этой теме, правда главным образом в плане выявления авторской позиции в диалоге.

Диалог есть органическая часть повествования, он связан с ним и в то же время занимает в нем особое место. Место это не всегда было одинаковым — диалог, как элемент художественной прозы, исторически развивался. Развитие шло по линии его усложнения и повышения роли в развертывании и раскрытии идейного содержания и конфликтов художественного произведения в целом.

Диалог в художественном прозаическом произведении обладает множеством функций, которые также формировались исторически. Художественное совершенствование прозы проявлялось наиболее отчетливо в усложнении и в совершенствовании диалога. Наивысшего уровня диалог достиг в реалистической прозе. Тем самым Пушкин становится во главе нового этапа в развитии диалога. Реалистический характер человека — это сложная индивидуальность, личность со своим самосознанием. Ее отношения с другими лицами — не нейтральны. Сюжетные перипетии часто ставят ее в конфликтные отношения с другими лицами. Диалог обретает драматическую силу. Формируется новый тип диалога — диалог-спор, столкновение идей. Именно в таком диалоге наиболее полно раскрывался характер, выявлялись убеждения, цели, стремления героев. Диалог начинал выражать главный идейный смысл произведения.

Усложнение структуры диалога, обогащение его новыми функциями не приводили к отказу от прежних, пусть исторически несколько примитивных форм — они продолжали использоваться и выполнять свою роль в произведении (информативность, средство характеристики и т. д.). Так устанавливалась своеобразная иерархия диалогов. Центральное, ведущее место начинал занимать диалог-спор, диалог, в котором сталкивались две правды, два убеждения. Именно в этих диалогах и проявляла себя достаточно отчетливо авторская позиция. Своего полного развития диалог пушкинской прозы, усложнение его структуры как формы выяв-

---

памятник русской художественной речи. — Ученые записки МГУ, вып. 128, кн. 1, 1948, М. М. Бахтина: «Проблемы поэтики Достоевского». М., 1963; План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского». — В кн.: Контекст. 1976. М., 1977.

² Виноградов В. В. 1) Стиль «Пиковой дамы». — В кн.: Пушкин. Время пушкинской комиссии. М.; Л., 1963, т. 2; 2) Стиль Пушкина. М., 1941.

³ Одинцов В. В. 1) Диалог у Пушкина. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1966, т. XXV, вып. 5; 2) О языке художественной прозы. М., 1973, с. 63—100.

ления замысла автора достигли в «Пиковой даме» и в «Капитанской дочке».

При этом следует учитывать, что содержание произведения и все способы его выражения, включая диалог, в конечном счете обуславливаются самой действительностью, ее противоречиями и конфликтами, которые именно реализм глубоко исследует и творчески воплощает с помощью многообразной системы художественных средств. В романе «Капитанская дочка» это проявляется особенно отчетливо.

Его содержание и идейная проблематика порождены событиями великой гражданской войны XVIII в. Раскол нации на два враждебных лагеря определили композицию романа, послужили основанием для создания двух главных героев, находящихся в остро конфликтных отношениях — Гринева и Пугачева. Эта конфликтность породила новый тип исполненного драматизма диалога между ними.

Такой диалог и предстоит нам рассмотреть, чтобы понять его особую роль в развитии и в раскрытии идейного содержания романа, конкретнее и отчетливее выявить авторскую позицию, которая именно в диалоге проявляется особенно активно и целенаправленно. Уяснение авторской позиции способствует верному пониманию глубокого идейного содержания «Капитанской дочки».

Программных диалогов в романе — два: в главе восьмой и одиннадцатой — диалоги Гринева с Пугачевым. Это не мирные беседы Гринева и Пугачева, а конфликт, столкновение двух враждующих сторон: России дворянской и России народной, спор двух правд. Не просто информативный, а конфликтный диалог-спор имеет свои, только ему присущие структурные особенности. Когда конфликтный спор исключает компромисс, то содержание диалога не сводится к высказыванию его участниками двух противоположных мнений — оно шире, глубже и значительнее суммы двух суждений. Новая содержательность возникает из художественной структуры диалога как определенной эстетической категории — *диалогических отношений*.

Диалогические отношения это конкретное и специфическое проявление закона истинного искусства — закона сцепления, сформулированного Львом Толстым. В письме Н. Страхову в апреле 1876 года он писал: «Во всем, почти во всем, что я написал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна и без того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами — нельзя, а можно только посредственно, словами, описывая образы, действия, положения».⁴

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 62, с. 269.

Диалог-спор создает диалогические отношения, в которых осуществляется сцепление противоположных и враждебных мыслей, которое рождает новые мысли, новые идеи, и они не могут быть выражены непосредственно словами. Новая идея, выраженная не текстом, а контекстом, сцеплением различных идей, высказанная не словами, а описанием и является авторской позицией.

Диалог, как и все произведение, рассчитан на чье-то восприятие. Оно может носить качественно различный характер. Простейшее восприятие диалога — это согласие с точкой зрения одного из участников. Восприятие же диалогических отношений есть уже *понимание* диалога, проникновение в глубину спора, приобщение к рождающемуся в споре смыслу столкновения идей, который включает в себя иную, более глубокую правду, чем правда каждого участника диалога, всегда так или иначе односторонняя и в той или иной мере — субъективная.

Данная особенность диалогических отношений (рождение «третьей идеи») эмпирически давно замечена и обозначена в афоризме: в споре рождается истина. Диалогические отношения и порождают эту истину, которая постигается не участниками спора (каждый остается при своем), а *третьим* участником диалога, в тексте не выраженном. Этот *третий* — автор, его восприятие есть понимание той истины, которая рождается в диалогических отношениях. Читатель тоже является тем третьим, на кого рассчитан диалог, кто призван понимать глубинный смысл спора. Но он выступает, так сказать, *вторым «третьим»* — у него есть предшественник и помощник — автор: он понимает истину, рождающуюся в диалогических отношениях, через автора.

Как же без текста выражается авторская позиция, эта, извлеченная из диалогических отношений, истина?

Первый путь — создание некоего неравенства вступающих в спор и извлечение из него нужного художественного эффекта. Неравенство это особое, чисто психологическое, ибо в главном спорящие равны — у каждого своя правда. Неравенство достигается тем, что один из спорящих — Гринев — готовится к диалогу, формулирует или, вернее, программирует свое поведение в споре. Пугачев вынужден действовать экспромтом, он не знает «правил», которых придерживается Гринев. Подобное неравенство приводит к различным результатам при выявлении характеров в диалоге.

Диалог в восьмой главе проходит в комендантском доме, куда Пугачев приказал привести Гринева, после того как помиловал его под виселицей. Напомнив об этом происшествии, Пугачев задает вопрос, который и определит дальнейший разговор: «Обещался ли служить мне с усердием?»

Пушкин создает психологически напряженную ситуацию испытания (признать или не признать Пугачева государем), обуславливая выработку Гриневым тактики своего поведения в диа-

логе: «Я смутился: признать бродягу государем — был я не в состоянии: это казалось мне малодушным непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погубели; и то, на что я был готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою».⁵

Вступление в диалог рекомендовало Гринева как человека благородного, мужественного, верного долгу. В этом ключе и строились ответы на вопросы Пугачева. Он говорил правду и отказывался признать в нем государя («Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую» — с. 332), он не согласился служить Пугачеву («Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу» — с. 332). Он не может обещать не сражаться против него, после того как будет отпущен из крепости («Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего» — с. 332).

В споре Гринев отстаивает свою честь, свою правду «природного дворянина». Назначение слов, реплик в диалоге — характеризовать Гринева таким, каким он «вошел» в него — благородным, смелым, верным чести. Диалог не прибавил ничего нового — он был иллюстрацией уже известного, заранее данного.

В иной функции предстает диалог для Пугачева, вступившего в него без подготовки, но с целью привлечь честного, «добродетельного» дворянина на свою сторону. Роль Пугачева в диалоге иная — он исполнен действия. А это означало новое осложнение диалога, повышение его идеологического потенциала. Рассматривая эту качественно новую структурную особенность диалога, М. Бахтин писал: «Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя во вне, а впервые становится тем, что он есть. . .»⁶

Подобную структуру диалога М. Бахтин увидел, исследовал и описал у Достоевского. Но впервые она была создана Пушкиным в «Пиковой даме». Исполненный экспрессии диалог Германа с графиней, который перешел в монолог (на все исступленные вопросы и просьбы Германа графиня отвечает молчанием), — есть *действие*, безумный, почти бредовый поступок, *являющий*

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948, т. VIII, с. 332. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁶ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 338.

впервые нам Германна таким, каков он есть на самом деле. Известно, как высоко ценил, как глубоко понимал Достоевский эту повесть Пушкина.

Открытое в «Пиковой даме» было развито в «Капитанской дочке» и наиболее полно раскрыто в диалоге Гринева с Пугачевым. Отказ Гринева признать Пугачева государем удивил мятежника. Создавалась ситуация, требовавшая действия: «Пугачев взглянул на меня быстро. „Так ты не веришь“, — сказал он, — „чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поц, тот батька» (с. 332).

Сложность душевного состояния Пугачева, способность его быстро оценивать создавшееся положение и немедленно принимать решение — великолепно и по-пушкински точно и емко передано просторечным выражением — «Ну, добро!» Он смело отказывается от игры в государя и переводит разговор в иной, серьезный уровень — исторический. Открывался новый Пугачев — обосновывающий свои действия философией истории, философией русского самозванства. Он называет только Гришку Отрепьева, — но это знак огромного явления. На Руси немало было самозванцев. Ведь игра в Петра Федоровича была обусловлена политическими событиями России. Его убили, а на престол незаконно села вдова убитого, в то время как по закону царствовать должен был наследник — сын Петра III — Павел. По сути дела самозванкой и была Екатерина II. Об этом нельзя было сказать, но в философии истории Пугачева и в его стремлении «заместить» Петра Федоровича данное политическое явление присутствует. Присяга Гринева Екатерине II в свете этой философии — фикция!

В философию истории Пугачева входит и тема цены человека («а разве нет удачи удалому»). Он сам предстает перед нами таким «удальным» человеком. Удалый в его понимании — это свободный, чуждый рабской покорности человек, презирающий смирение и страх смерти мятежник, умеющий загадывать и дерзко идти навстречу поставленной цели. Диалог впервые *показывает нам Пугачева, какой есть он на самом деле...*

В другом и, пожалуй, главном диалоге (в главе одиннадцатой) этот принцип проявлялся с еще большей выразительностью. И в данном случае диалог предваряется нравственным обоснованием поведения Гринева. Преддиалогическая ситуация на этот раз принципиально другая: Гринев просит Пугачева освободить Машу от притязаний Швабрина. Он решает на это не оттого только, что в помощи ему отказал оренбургский губернатор, а потому, что уже знал нравственную позицию Пугачева. Действуя наверняка, он заявил ему, что едет в Белогорскую крепость «избавить сироту, которую там обижают» (с. 348). Реакция Пуга-

чева была именно такой, которую предвидел Гринев: «Глаза у Пугачева засверкали. „Кто из моих людей смеет обижать сироту?“ — закричал он. — „Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет“...» (с. 348).

Но, главное, обращаясь к Пугачеву с просьбой о помощи, Гринев обманывает его — он не называет имени сироты. И вот, сидя в кибитке вместе с Пугачевым, по дороге в Белогорскую крепость, Гринев с тревогой думает, что обман его может обнаружиться, что Швабрин может назвать имя сироты — Миронова, дочь повешенного Пугачевым коменданта крепости.

И здесь раскрывается нравственное неравенство участников начинающегося диалога — Гринев неискренен с Пугачевым и сам боится раскрытия своего обмана, Пугачев же исполнен желания помочь сироте, выручить ее из беды. Он и заводит разговор, видя озабоченного Гринева: «О чем, ваше благородие, изволил задуматься?»

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

«Что ж?» — спросил Пугачев. — «Страшно тебе?»

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты прав, ей-богу, прав!» — сказал самозванец. . . «Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья» (с. 352).

Гринев ведет дипломатический разговор, Пугачев искренне и простодушно радуется, что хоть один дворянин будет знать о нем истинную правду. Успокаивая Гринева, исполненный благожелательства, Пугачев, по-детски начинает хвастаться своими военными успехами. Это наивное бахвальство выливается в озорной вопрос: «Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?» (с. 352). Гринев лукавит, он убежден, что Фридрих, конечно, не только бы смог «потягаться» с Пугачевым, но и по бедить его, но своего мнения не высказывает, боится рассердить Пугачева и отделяется вопросом: «Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридрихом?» (с. 352). Пугачев отвечает умно и логично, вновь опираясь на опыт истории: «С Федор Федоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо. Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву» (с. 352).

Диалогические отношения отчетливо рисуют различие нравственных позиций Гринева и Пугачева. Обман, лукавство, дипломатичность одного, искренность, сердечность, детская непосредственность в похвальбе другого. Это различие создает определенную тональность восприятия речей участников диалога. Понимание этой тональности определяет авторскую позицию.

Высказанное Пугачевым намерение идти на Москву обусловило перелом в диалоге. Развивая свою мысль, Пугачев доверительно признается Гриневу, что достичь Москвы трудно: «Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают... при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» (с. 352). На искренность в данном случае Гринев отвечает искренностью — он не может хитрить. Чувство благодарности Пугачеву делает его способным тревожиться о дальнейшей судьбе своего благодетеля. «То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?» (с. 353). Гринев человек добрый, благодарный и честный. Он сердечно советует положиться на милость императрицы. Социальная неопытность выявляет наивность и бессмысленность совета. Пугачев это объясняет: «Нет, — отвечал он; — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою» (с. 353).

Диалог неожиданно вновь вывел Пугачева на исторический уровень. С высоты истории мерит он свою жизнь, и Гринев, со своим сочувствием и состраданием, остается где-то далеко-далеко внизу: «А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!» (с. 353).

Так в непреодолимом, бескомпромиссном конфликте столкнулись две правды, две философии жизни. И опять диалогические отношения не только проявили нравственную дистанцию между идейными противниками, но и породили новый конфликт — на этот раз между прозаическим и поэтическим отношением к жизни, который и служил основанием для формирования авторской позиции. Конфликт обострился до предела реакцией Пугачева на поучения Гринева: «Слушай», — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — «Расскажу тебе сказку...» (с. 353). «Дикое вдохновение» — это захватившее всю натуру Пугачева *действие* — желание объяснить истинный смысл человеческой жизни, увлечь в свою веру собеседника. Калмыцкая сказка как финальный аккорд диалога не был самохарактеристикой или иллюстрацией к известному, не был узнаванием — такого поэтически высокого, мудрого Пугачева мы не знали — он впервые таким *явился, каков он есть на самом деле*...

В сложной структуре данного диалога таится могучая энергия утверждаемого (средствами поэзии) идеала. Неожиданность явления в диалоге личности такого масштаба обладает почти гипнотической силой. Это почувствовала Марина Цветаева, написав, что «все бессмертные диалоги Достоевского» отдаст она за один подобный диалог.⁷

⁷ Цветаева Марина. Мой Пушкин. М., 1967, с. 118.

Этот новый Пугачев и действует в последующей сцене, когда освобождает сироту. Он рушит все страхи Гринева, ожидавшего крушения плана спасения Маши. — Швабрин, как и предполагал Гринев, выдал его и назвал имя сироты («Государь!» — закричал он в иступлении. — «Я виноват, я вам солгал, но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости» — с. 356). Пугачев, узнав об этом, прощает Гринева. Нет, пожалуй, не прощает, а понимает. Понимает и большее — он чувствует (оказывается способным сердцем своим почувствовать), что от его действий зависит счастье двух людей. И он оказывается на высоте своего призвания — нести людям свободу и счастье жизни. Он благословляет любящих. Свершилось неслыханное — в огне гражданской войны дворянин Гринев обретает счастье с помощью мятежника. Поступок этот не просто знаменательный, но и символический. Его совершает (может совершить) тот Пугачев, который явился нам в диалоге с Гриневым.

Диалогические отношения Гринева и Пугачева открыли Пушкину иную правду, отличающуюся от правд, которые защищали идейные противники в споре. При этом автор вовсе не пассивный наблюдатель, который только монтирует чужие точки зрения, чужие правды, совершенно отказываясь от своей точки зрения, своей правды. Дело вовсе не в этом, а в совершенно новом, особом взаимоотношении между своей и чужой правдой. Автор глубоко *активен*, но его активность носит особый *диалогический* характер. «Одно дело активность в отношении мертвой вещи, безгласного материала, который можно лепить и формировать как угодно, и другое — активность в отношении чужого живого и полноправного сознания. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п., т. е. диалогическая активность, не менее активная, чем активность завершающая, овеществляющая, каузально объясняющая и умертвляющая, заглушающая чужой голос не-смысловыми аргументами. . . Это, так сказать, активность бога в отношении человека, который позволяет ему самому раскрыться до конца (в имманентном развитии), самого себя осудить, самого себя опровергнуть. Это — активность более высокого качества. Она преодолевает не сопротивление мертвого материала, а сопротивление чужого сознания, чужой правды».⁸

Обозначение правды каждого участника диалога-спора особым знаком является вторым путем выявления авторского намерения, авторского отношения к событиям, героям, их убеждениям.

Правда Гринева фактична, опирается на социальный опыт и традицию, она эмпирична и прозаична. Гринев живет сегодняш-

⁸ Бахтин М. М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского». — В кн.: Контекст 1976. М., 1977, с. 298.

ним днем, для него важно сохранить существующий порядок, неизблемость устоев — вот его идеал. Правда Пугачева сурова и жестока, она утверждает необходимость ломки существующих социальных порядков, она вся устремлена в будущее, и она поэтична.

Проза и поэзия — вот те знаки, которые проставлены на убеждениях главных героев. Но это не значит, что Пушкин автоматически становится на сторону поэтического миропонимания, отворачиваясь от прозаического: каждое из них существует как полноправное сознание. Он вступает с ними в диалогические отношения. Во взглядах Гринева много важного, основательного, — например, традиции дворянской чести. Разрушение этих традиций и страшно и тревожно. В убеждениях Пугачева есть что-то отпугивающее, жестокое, дикое. Но поэтическое начало проявляется прежде всего в устремленности в будущее, к человеческой свободе. А эта устремленность к лучшему объективно оборачивалась верой в историю, в ее поступательное развитие. Между поэтическим у Пугачева и историзмом Пушкина устанавливалась своя внутренняя связь.

Но, главное, — это могучая сила обновления человека, обусловленная мятежом против существующего мира зла и социальной несправедливости, которая так выявлялась в диалогах с Гриневым и в его действиях по спасению счастья любящих людей. Поэтическое мятежника и бунтовщика оказывалось внутренне слитым с человечностью его нравственных устоев.

Третий путь выражения автором своей позиции обусловлен диалогической природой самого слова, его многозначностью. В. Виноградов первым обратил на это внимание. «Субъективно-экспрессивная многозначность пушкинского слова создается своеобразными формами соотношения образа автора и героя в стиле».⁹ М. Бахтин показывает, как в связи с историческим развитием человека, открытием «человека-личности и его сознания», совершенствовались художественные методы изображения этого сознания, происходили «открытия в слове»: «Раскрылся глубинный диалогизм слова».¹⁰

Гоголь в своей статье «Несколько слов о Пушкине» в качестве коренной особенности пушкинского слова отметил его необыкновенную «точность» и в то же время — «необъятность». В «необъятности» и была заложена многозначность, «диалогичность» слова, которая и создавала возможность проявления авторской позиции.

Остановлюсь на многозначности использования в самых различных контекстах диалога трех слов — «самозванец», «сирота», «тулуп» (заячий).

⁹ Виноградов В. В. *Стиль Пушкина*. М., 1941, с. 94.

¹⁰ Бахтин М. М. Там же, с. 306.

Оттого часто основания столь необычной дружбы дворянина с мятежником не исследуются, замалчиваются. Они кажутся слишком шаткими, неоправданными. Те же, кто пишет — косвенно упрекают Пушкина в условности, сказочности мотивировки отношений Пугачева и Гринева. Происходит это от восприятия однозначности пушкинского слова вообще, слова «тулуп» в частности. В тексте же слово это существует в своей многозначности.

Впервые слово это выступает в своем прямом значении: «тулуп — теплая одежда» (в данном случае на заячьем меху). Гринев приказывает Савельичу: «сейчас носи сюда тулуп» (с. 291). Тут же, в связи с попыткой Пугачева надеть тулуп, слово это начинает утрачивать свое реальное бытовое значение. «Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился, и надел его, распоров по швам» (с. 291—292). Тулуп, распорившийся по швам, утрачивал свою ценность и главное свое свойство. И, действительно, сразу же слово стало обретать новое значение. Пугачев благодарит не за подаренный тулуп: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей» (с. 292). Не за тулуп, а за добродетель и благодарит Пугачев Гринева; не тулуп дорог, а душевное намерение молодого дворянина, его искреннее желание отблагодарить за помощь, его доброту. Потому «добродетель» заменила первое значение слова «тулуп».

При встрече в Белогорской крепости Пугачев вспоминает о подарке Гринева, но опять пользуется не словом «тулуп», а его заместителем. «Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов» (с. 332).

В слове «тулуп» как бы засветились иные, нравственные смыслы, передававшие душевные движения Гринева, угаданные и понятые Пугачевым. Таким образом удивительная дружба офицера и мятежного казака покоится на прочном нравственном основании; за доброту, сердечность, искренность чувств Пугачев рассчитывается на равных началах — благодарностью, памятью о добре.

Вся эта трансформация слова «тулуп», его выступление в разных значениях, его способность замечать душевные порывы Гринева и передает способность Пугачева понимать глубинный смысл слова, его душевную деликатность и чуткость к добру. Автор первым «открывает» эту чуткость и этим своим отношением к слову, к событию и герою помогает читателю проникнуть в глубину слова, в его микромир.

Так в удивительной пушкинской прозе, в каждом ее слове микрокосм смысловых значений органически сопрягается с макрокосмом их философско-нравственного наполнения, что особенно наглядно и отчетливо выступает в диалогах персонажей.

Начнем с рассмотрения слова «самозванец». Сцена суда в Белогорской крепости. Пугачев спрашивает пленного коменданта капитана Миронова: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Тот отвечает: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец...» (с. 324). Такова исходная ситуация. Затем Пугачев вновь задает тот же вопрос уже Гриневу: «Или ты не веришь, что я великий государь?» (с. 332). Гринев уходит от прямого ответа и выражает свою мысль так: «Бог тебя знает; но кто-бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку» (с. 332). Далее свою мысль он формулирует точнее: «Я присягал государыне императрице: тебе служить не могу» (с. 332). Опасаясь гнева Пугачева, Гринев не называет его самозванцем, но подразумевает это (присягал государыне).

Во всех случаях проявляется и многозначность, и «необъятность», и диалогизм слова «самозванец». Пугачев выступает как Петр Федорович — то-есть как законный государь, который спасся от покушавшихся на него сподвижников Екатерины II по захвату престола. Миронов его называет самозванцем вслух, Гринев про себя. Но, оставаясь верными присяге государыне, они тем самым подтверждали верность самозванной императрице. Выше уже говорилось, что вдова убитого Петра Федоровича — немецкая принцесса Екатерина Алексеевна незаконно заняла престол. В диалогах речь идет о верности государыне и отказе присягать самозванцу. Но каждый раз, когда возникают слова «государь» и «самозванец» они раскрываются в своей многозначности. Пугачев требует присягать истинному государю — Петру Федоровичу, Миронов и Гринев говорят о верности императрице, то-есть самозванной государыне. Многозначность слова, способность его светиться разными смыслами и открывает глубину слова. В глубине этой и формируется авторская позиция.

Другой пример со словом «сирота». Оно в устах Гринева выражает конкретный смысл — слово-псевдоним, скрывающее подлинное имя Маши Мироновой. С другой стороны, это слово выражает крайнюю степень обездоленности человека, одиночества, обиженности судьбой. Для Пугачева слово это своеобразный нравственный императив, призыв к действию. Его понимание этого слова характеризует убеждение мятежника как народного заступника, защитника слабых и обездоленных. На многозначности этого слова держатся диалоги, которые обуславливают ход событий, помогают Пушкину выразить свое отношение к происходящему.

Заячий тулуп, как известно, играет важную роль в системе взаимоотношений Гринева и Пугачева: получив с барского плеча шубу, Пугачев в последующем не забывал об этом и оказывал милости Гриневу, когда он попадал в трудные ситуации. Многих исследователей смущает несоответствие подарка и воздаяния за него — Гринев Пугачеву тулуп, а Пугачев Гриневу — жизнь,

Оттого часто основания столь необычной дружбы дворянина с мятежником не исследуются, замалчиваются. Они кажутся слишком шаткими, неоправданными. Те же, кто пишет — косвенно упрекают Пушкина в условности, сказочности мотивировки отношений Пугачева и Гринева. Происходит это от восприятия однозначности пушкинского слова вообще, слова «тулуп» в частности. В тексте же слово это существует в своей многозначности.

Впервые слово это выступает в своем прямом значении: «тулуп — теплая одежда» (в данном случае на заячьем меху). Гринев приказывает Савельичу: «сейчас неси сюда тулуп» (с. 291). Тут же, в связи с попыткой Пугачева надеть тулуп, слово это начинает утрачивать свое реальное бытовое значение. «Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился, и надел его, распоров по швам» (с. 291—292). Тулуп, распоровшийся по швам, утрачивал свою ценность и главное свое свойство. И, действительно, сразу же слово стало обретать новое значение. Пугачев благодарит не за подаренный тулуп: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей» (с. 292). Не за тулуп, а за добродетель и благодарит Пугачев Гринева; не тулуп дорог, а душевное намерение молодого дворянина, его искреннее желание отблагодарить за помощь, его доброта. Потому «добродетель» заместила первое значение слова «тулуп».

При встрече в Белогорской крепости Пугачев вспоминает о подарке Гринева, но опять пользуется не словом «тулуп», а его заместителем. «Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов» (с. 332).

В слове «тулуп» как бы засветились иные, нравственные смыслы, передававшие душевные движения Гринева, угаданные и понятые Пугачевым. Таким образом удивительная дружба офицера и мятежного казака покоится на прочном нравственном основании; за доброту, сердечность, искренность чувств Пугачев рассчитывается на равных началах — благодарностью, памятью о добре.

Вся эта трансформация слова «тулуп», его выступление в разных значениях, его способность замещать душевные порывы Гринева и передает способность Пугачева понимать глубинный смысл слова, его душевную деликатность и чуткость к добру. Автор первым «открывает» эту чуткость и этим своим отношением к слову, к событию и герою помогает читателю проникнуть в глубину слова, в его микромир.

Так в удивительной пушкинской прозе, в каждом ее слове микрокосм смысловых значений органически сопрягается с макрокосмом их философско-нравственного наполнения, что особенно наглядно и отчетливо выступает в диалогах персонажей.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

КЛАССИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
— И —
СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981